

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Лейтес Н.

Галина, Огайо, США

Перевод Белова Е.С.

Leites N.

Galena, Ohio, USA

Translated by Belov E.S.

ПОЛИТБЮРО ГЛАЗАМИ ЗАПАДА

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Н. Лейтеса "The Politburo Through Western Eyes", опубликованной в США в 1952 г. Автор рассматривает речевое поведение советской элиты в сравнении с публикуемыми Лондонским изданием *The Economist* суждениями о намерениях и проводимой политике Московского Политбюро. Публикации журнала датируются периодом 09.02.1946 – 25.06.1950 гг.

Ключевые слова: Политбюро, внешняя политика, *The Economist*, политическая элита.

Сведения об авторе: Лейтес Натан, доктор философии, профессор.

Место работы: Чикагский университет, Корпорация РЭНД.

Сведения о переводчике: Белов Евгений Сергеевич, аспирант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: E-mail: scout03@mail.ru.

THE POLITBURO THROUGH WESTERN EYES

ГЧТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.19

Abstract. This is the first Russian translation of N. Leites' article "The Politburo Through Western Eyes" published in 1952 in the USA. The author analyses the Soviet elite behavior while juxtaposing Soviet foreign policy with the predictions and comments made by *The Economist* within the period of 02.09.1946 - 06.25.1950.

Key words: Politburo, foreign policy, *The Economist*, political elite

About the author: Leites Nathan, PhD, professor.
Place of employment: University of Chicago; The RAND Corporation.

About the translator: Belov Evgenij Sergeevich, post graduate student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Одним из факторов мировой политики, который социологи начинают подвергать системному анализу, является поведение элиты в рамках международных отношений. Несмотря на то, что гипотеза о поведении элит, как представляется, носит не только обязательный, но и неявный характер в любых проявлениях внешней политики, остается необходимость наглядно показать практическую ценность исследований данной социальной группы. Очевидно, немногим исследователям удалось выдвинуть отчетливые тезисы о принципах поведения элиты во внешней политике. Зачастую вызывает сомнение, что предположения, основанные на глубоких изысканиях в области учения об элитах и их культурных матрицах, имеют какое-либо отношение к анализу этих самых элит, проводимому в рамках изучения международных отношений.

С целью продемонстрировать практическую значимость систематического и специализированного исследования указанного предмета в данной работе мною будут рассмотрены различные аспекты образного представления о московском Политбюро на примере публикаций журнала *The Economist* (Лондон), вышедших в свет в период между предвыборной речью Сталина 9 февраля 1946 г. и захватом Южной Кореи 25 июня 1950 г. Применяемая методика основана на сравнении публикуемых изданием *The Economist* суждений о намерениях и поведении Политбюро с суждениями, которые могли бы стать результатом систематического анали-

за Большевистской доктрины и которые были обобщены мною в недавно вышедшей книге [The Operational Code of the Politburo 1951].

Многие из нижеприведенных утверждений, опубликованных в *The Economist*, одном из самых компетентных и проницательных западных изданий, пишущих на общественно-политические темы, были опровергнуты в ходе истории; некоторые из них лично я, на том или ином основании, нахожу сомнительными. Однако я не имею в виду, что во времена, когда данные утверждения были высказаны, ошибки, допущенные журналом *The Economist*, были намного значительнее, скажем, ошибок, допущенных сопоставимыми представителями общественного мнения США. Я также не считаю, что точка зрения, выраженная в утверждениях журнала *The Economist*, принимая во внимание значение их истинности, является характерной для всех высказываний издания о внешней политике Советского Союза за указанный период. Учитывая цели настоящей работы, случаи расхождения оценок прошлых событий, опубликованные в *The Economist*, с исторической правдой и моим собственным мнением зачастую представляют наибольший интерес.

Но это обстоятельство, без указки на какие-либо особенности издания *The Economist*, лишь отражает основную тенденцию в отношении Запада и Политбюро за последние двадцать пять лет. Период с момента признания Советского правительства в качестве элемента системы великих держав ознаменован появлением

тенденции интерпретировать поведение и намерения Советского Союза путем проецирования собственного образа на оппонента – тенденции особенно сильной, если оппонент малоизвестен. Таким было Политбюро, и оно становилось еще менее понятным в свете нарастающей изоляции, молчаливости и публичного лицемерия. С другой стороны, тенденция «проецировать» собственные характеристики на «другого» способна вызвать глубокие последствия, если между «проецирующим» и «другим», действительно, имеются глубокие различия. Это условие также было и остается справедливым для Политбюро.

Само Политбюро в той же, если не в большей, степени прибегало к проецированию образов своих западных врагов. Вероятно, и это одно из ключевых положений на данный момент и в будущем, что искажения советским Политбюро образа внешнего мира гораздо хуже поддаются коррекции опытом, чем искажения западные. Далее в работе будет показано, как за рассматриваемый четырехлетний период *The Economist* улучшал свою способность оценивать и предвидеть поведение Политбюро.

Прежде всего мне хотелось бы остановиться на мировом балансе сил после окончания Второй мировой войны, затем рассмотреть ситуацию с так называемыми сателлитами Советского Союза, характер расширения Политбюро и, наконец, затронуть тему переговоров с Политбюро.

Кто кого? После окончания Второй мировой войны Политбюро, предположительно, считало, что мир, находящийся за пределами его владений, контролировался «Англо-американскими правящими кругами». То есть после поражения Германии и Японии в войне Политбюро принимало как должное разделение мира на два блока и что рано или поздно, мирным путем или ценой одной или более войн, но история «расставит все на свои места» и решит насущный вопрос «кто кого?».

Тем не менее, в 1946 г. *The Economist* писал об отношениях между СССР и Западом:

Очевидно, первым шагом на пути к примирению должно стать сдерживание настоящей тенденции к разделению международного сообщества на взаимоисключающие и враждебно настроенные *блоки* [28.09.46: 481]

Автор статьи описывает «примирение» как «очевидный» и очень позитивный термин. По всей видимости, он совсем не осознает того, что в языке большевиков значение этого слова прямо противоположное.

«Разделение» мира на два «взаимоисключающих и враждебно настроенных *блока*» представляется автору публикации как «тенденция», которую можно «сдерживать», что никак не сопоставимо с пониманием «разделения» как основного базиса эпохи, характерное, по моему мнению, для Политбюро.

Вскоре *The Economist* продолжил в том же ключе:

Политика Великобритании не может воздержаться от попыток создания более сплоченного объединения стран Западной Европы... Тем не менее, эта важнейшая цель не должна быть подменена возведением и противопоставлением одной части Европы другой; ...необходимо использовать каждую возможность, чтобы найти основание для общих интересов и сотрудничества с Восточными государствами, чтобы оба *блока служили* во благо ожившему Европейскому концерту... [19.10.46: 612]

Противоположного мнения придерживается Политбюро, считая, что если одно государство или несколько стран берутся за «возведение» чего-то, то оно в силу природы самой политики направлено «против другого», а «основание для общих интересов и сотрудничества» между двумя *блоками*, разделяющими мир – если оно вообще существует – гораздо более шатко, чем основание для потенциальных или реальных попыток полного уничтожения оппонента. Согласно точке зрения Политбюро, нет ничего, чему должны или могли бы «служить» оба *блока*.

В 1947 г. *The Economist* написал по поводу Московской конференции министров иностранных дел:

Если бы между тремя министрами был существенный уровень доверия по какому-либо из вопросов, в особенности касательно будущего экономического устройства Европы, можно было бы избежать большей части разногласий с Москвой. [26.04.47: 616]

Но, по мнению Политбюро, сам факт, что министры иностранных дел представляли «пролетариат» и «буржуазный класс», которые в отличие от «мелкой буржуазии» были способны проникнуть в суть политических процессов, исключал какие бы то ни было иллюзии о возможном «доверии» между организациями, стремящимися, в силу самой природы сложившейся политической обстановки, к полному уничтожению друг друга. Аналогичным образом высказывалось издание *The Economist* позже в 1947 г.:

...пока русско-американская дуэль не дойдет до крайней точки, ООН может быть лишь собранием сторонников. [04.10.47: 554]

Политбюро же считало, что в любой политической ситуации не может быть никого, кроме «сторонников», независимо от того, применяются ли при этом конфликтные технологии в определенном смысле экстремального (и это не относится к Политбюро) порядка.

Согласно Политбюро, пространство вне пределов обоих блоков находится или будет находиться под контролем того или иного блока. Однако в 1946 г. *The Economist* писал об отношениях между Политбюро и Западом:

Пожалуй, нет препятствий для достижения хотя бы чернового варианта временного соглашения в

условиях доминирования русских в Восточной Европе, превосходства Запада в Восточном районе Средиземного моря и существования подлинно независимых Турции, Италии и стран Западной Европы. [13.07.46: 43]

Смысл публикации заключался в возможном признании «подлинно независимых сфер» со стороны Политбюро. Позднее в 1946 г. *The Economist* без каких-либо опровержений писал о существовавшем общественном мнении:

...представители общества, равно как и газеты, расходятся в своих политических подходах и демонстрируют разнообразие взглядов...считают, что Великобритания могла бы способствовать выходу из идеологического тупика (отношения между Советским Союзом и несоветским миром) наиболее прямым и эффективным способом, если бы в определенных сферах проводила политику, отличную от политики Бернса, в частности, стремилась бы к сближению и взаимопониманию с Францией, другой великой державой, рискующей потерять многое в результате поляризации между коммунизмом и капиталистической демократией. Согласно общественному мнению, сближение Великобритании и Франции доказало бы бесполезность для Европы разделения между двумя враждующими, внешними великими державами, указав на существующий путь к экономическому и политическому сотрудничеству, пролегающий между государственной торговлей и неограниченной свободой предпринимательства. [28.09.46: 482]

Автор данной публикации, по видимому, предполагает, что Политбюро сможет признать не только «третью» сторону в системе власти, но и «третью» сторону в экономической структуре, а также связь между ними. Я бы не стал делать подобные предположения насчет Политбюро.

По мнению Политбюро, отношение серьезных специалистов к политикам (на словах и на деле) должно сопровождаться высокой напряженностью, несмотря на внешнее спокойствие, способное ввести в заблуждение «политических простаков». Однако в 1946 г., оглядываясь на двадцать лет советской внешней политики, *The Economist* писал:

Сталинская доктрина «Социализма в отдельно взятой стране» была разработана с целью примирения [Партии] ... создания условий долгосрочного мирного сосуществования социализма и капитализма в мире [23.03.46: 442]

Создание подобных «условий», однако, означало, что Политбюро рассчитывало на «долгосрочную» перспективу следующего толка: партия, равно как и ее враги, постоянно бы решали вопрос о наличии или отсутствии необходимости начинать войну друг против друга и постоянно бы отвергали данный сценарий ввиду существовавшего соотношения сил. Это создало бы «условия» обычной для Политбюро максимальной напряженности между «серьезными политиками». Тем не менее, в 1946 г., полагая, что советская политика приобрела но-

вый «настрой к примирению», *The Economist* обратился с вопросом:

К чему перемены? Трудно найти адекватную причину. Политика русских только начинает учиться необходимым методам взаимодействия с оппозицией и несогласными. [04.05.46: 703]

Смысл публикации заключался в том, что операционный код Политбюро весьма восприимчив к изменениям внешних условий. Я бы предположил противоположную гипотезу. Вероятно, для Политбюро до сих пор является непостижимой возможностью того, что уровень напряженности в политике мог бы снизиться прежде, чем Советы добьются всемирной победы или будут уничтожены.

Позже в 1946 г. *The Economist* предложил «ряд шагов, которые помогли бы им (великим державам), если бы они их предприняли, отойти от края ядерной пропасти»:

...первоочередной целью для двух держав является восстановление сердечности в двусторонних отношениях... [28.09.46: 481]

Данное заявление было расценено со стороны Политбюро как лицемерное. Большевистский настрой таков: невозможно и предположить, что где-то в «руководящих органах» Лондона могли бы хоть сколько-нибудь верить в подобную «чепуху». Поскольку, во-первых, в «серьезной» политике чувствам нет места; во-вторых, чувство сердечности неуместно в политических организациях, находящихся в отношении «кто кого». Немногим позднее *The Economist* высказался по поводу данного подхода:

Советские лидеры едва бы знали, как управлять государством ...без атмосферы осадного положения... [30.11.46: 863]

И эти лидеры глубоко убеждены в постоянстве условий, необходимых для создания подобной атмосферы. В 1948 г. издание *The Economist* признавало, что высокая напряженность в политической игре с Политбюро непреодолима, и рассматривало этот факт, как «утомительный» раздражитель, нежели воплощение эпохальной битвы.

...наибольшие надежды на мирное сосуществование Западные державы связывают с отчетливым представлением об обстоятельствах, при которых русская сторона могла бы начать войну. ...В прошлом Великобритания в своих отношениях с Россией во многом полагалась на данный подход. Проблема содержания Восточного вопроса, одной из постоянных тем дипломатических дискуссий девятнадцатого века, заключалась в устремлении России завоевать Константинополь. Сдерживающим фактором было осознанием того, что подобный шаг приведет к войне с Великобританией. На протяжении семидесяти лет существовавшая напряженность не выливалась в войну. Но с другой стороны, и послабления в отношениях наблюдались довольно редко. Оба государства просто уживались с этим подобно тому, как человек уживается с надоедливым родственником [25.09.48: 482]

Согласно взглядам Политбюро на мировое соотношение сил, присущее данной эпохе, изменения в балансе происходят, но медленно, за исключением революций и войн. Кратковременные же колебания общественного мнения и субъективные ощущения напряженности представляются не относящимися к делу явлениями (хотя, они, конечно, могут быть поверхностными признаками важных событий). С другой стороны, в 1946 г. *The Economist* писал следующее:

Со времени первой встречи министров иностранных дел прошло восемь месяцев. Отношения между обеими великими державами стабильно ухудшались. ... Возможно даже, что после декабрьской конференции [министров иностранных дел в Москве] союзники еще стремительнее стали впадать в болото подозрения, раздражения и разобщенности [20.04.46: 626]

Однако, скорее всего, Политбюро не придало большого значения этому «ухудшению» отношений с западными странами, поскольку свой конфликт с Западом оно считало ядром исторической эпохи, начавшейся с победы над Германией и Японией.

Если ориентация на противостояние сторон выражалась в форме «кто кого?» и носила всеобъемлющий характер, выраженный в максимальном уровне «подозрительности» и «разобщенности», то какие-либо изменения этого уровня представлялись весьма отдаленными от реальности. Исключения составляли случаи, когда эти изменения могли служить индикаторами значительных действий, предпринимаемых той или иной стороной. Что касается чувства «раздражения» (равно как и «примирительных настроений»), серьезные политики, (Уолл-Стрит, Кремль, Сити) не позволяют эмоциям влиять на предпринимаемые шаги, хотя могут выразить или симулировать раздраженность в угоду своим интересам.

Позже в 1946 г. *The Economist* приветствовал «примирительные» заявления, сделанные Сталиным:

...наибольшей важности шаг по изменению опасной тенденции последнего времени, угрожающей открытой враждебностью, был сделан самим Маршалом Сталиным. В интервью корреспонденту *Sunday Times* он опроверг практически каждое из недавних высказываний советской пропаганды, заявив о том, что «капиталистическое окружение», по его мнению, невозможно, а намерения его осуществить не имеют места. Сталин считал, что угрозы ядерной войны нет, атомную бомбу можно было бы запретить, а коммунизм мог бы мирно сосуществовать с капиталистической демократией.

...пускай ненадолго и совсем чуть-чуть, но заклятие мировой неприязни ослабло... [28.09.46: 481]

Нет оснований утверждать, что в противоположной ситуации Политбюро уподобилось бы реакции Запада и расценило бы кратковременное послабление риторики своих врагов как благоприятное изменение их политического

курса. Политбюро не позволило бы себе ни на секунду испытать или выразить чувство удовлетворения от кажущегося кратковременного спада напряженности, поскольку эффективность политика определяется его готовностью к высшей степени критическим ситуациям, какими бы отдаленными они не казались. Он должен проводить всестороннюю оценку соотношения сил и власти, характерных для текущего периода времени, сохранять постоянную проницательность, не допуская колебаний и опасной для политика экстраполяции эмоциональных представлений о надвигающемся кризисе на текущее состояние стабильности.

Впрочем, в 1948 г. *The Economist* стал более понятным для Политбюро.

Военный психоз, следовавший за новостями из Праги, не имеет рационального объяснения и не заслуживает внимания... Стратегическая ситуация ... осталась такой же, какой она была год назад. [06.03.48: 367]

а также:

За последние несколько дней впервые наблюдалось нечто, напоминающее военный психоз. Стоит отметить, что риск начала войны, каким бы он ни был, сейчас не выше, чем он был в июне или даже раньше. Никаких кардинально новых и внезапных событий не произошло. [2.10.48: 521]

Принцип преследования. В 1945 г. Политбюро, вероятно, со всей уверенностью полагало, что лидеры западных держав, позволив советской армии оккупировать различные части Восточной Европы, согласились также (по крайней мере, на время) и на то, что данные территории будут полностью контролироваться Политбюро. Маловероятно, что Политбюро трактовало свои обязательства по установлению «демократии» на рассматриваемых территориях как-то иначе, нежели трактуются «демократические» обязательства в Советской Конституции 1936 г. Скорее всего, в 1945 г. Политбюро не видело ничего предосудительного в том, чтобы в районах, где оно занимало лишь определенные «командные высоты» (например, Министерства внутренних дел и вооруженных сил), в надлежащее время приступить к ликвидации всей существующей и потенциальной оппозиции, следуя методикам, разработанным в Советском Союзе. Выдвигая тем самым принцип преследования, Политбюро намеревалось противодействовать каким-либо вновь возникающим угрозам и занимало позицию четкого следования правилу *principiis obsta (противодействуй началам)*. И все же в 1946 г. *The Economist* писал следующее:

Страх, проваливший конференцию в Лондоне и преследовавший заседание министров иностранных дел в Москве, был страхом полного доминирования России в Юго-Восточной Европе. [11.05.46: 743]

Таким образом, *The Economist* писал лишь о вероятном развитии событий, тогда как у Политбюро сценарий не вызвал сомнений, и по-

мешать ему мог лишь ультиматум или атака со стороны Запада. Немного позже *The Economist* напишет:

На сегодняшний день страны Балканского полуострова беспомощны. Из этого не следует, что они таковыми и останутся... Текущее хрупкое равновесие сил может быть расстроено не только изменениями в политике великой державы, но также и в результате переворота в наименьшей из стран. [13.07.46: 43]

Несмотря на то, что Югославия послужила показательным примером, представляется, что приведенный отрывок все же нацелен воспрепятствовать стойким устремлениям Московского Политбюро установить полный контроль над странами-сателлитами. Это подтверждает следующее высказывание издания:

...идея нового Европейского концерта, несомненно, найдет отклик со стороны стран, находящихся в орбите советского влияния... [19.10.46: 612]

В аналогичном ключе *The Economist* писал в 1947 г. о запрещающем указе Политбюро правительствам всех стран-сателлитов принимать участие в Плане Маршалла:

Естественно, что в результате столь единой реакции стран Восточной Европы и последних проявлений русского руководства, еще глубже укоренится в Западном сознании картина закрытого блока, пребывающего в плену «железного занавеса».... И, глядя на эту картину, напрашивается вывод о том, что Европа достигла на своем пути очевидной развилки и что не стоит более рассчитывать на Восточноевропейские страны, ставшие неотделимым, недоступным и подконтрольным клиентом советского руководства. Однако имеет ли данное заключение фактическое основание? ...при тщательном рассмотрении картина развития восточно-европейских стран за последние два года выглядит куда менее монотонно и депрессивно. Факт масштабного влияния России не вызывает сомнения, но все же Восточные страны в равной степени сохранили свою действенность и самобытность.... Есть все основания полагать, что в случае войны, Россия сможет рассчитывать на помощь соседних государств. Из этого не следует, тем не менее, что эти страны могли бы встать на сторону агрессора. [19.07.47: 91]

Позже, однако, в 1947 г. *The Economist* начнет высказывать точку зрения, схожую представленной выше. Вспоминая Ялтинскую «Декларацию об освобожденной Европе», издание писало:

Русским, по всей видимости, было сложно представить себе, как кто-либо мог придавать этому такое значение. Они воспринимали это как удобную для всех формулировку, описывающую американские уступки в деле разделения Восточной Европы на сферы влияния, договоренность по которым уже была достигнута между Маршаллом Сталиным и Черчиллем. А когда американцы, ссылаясь на Декларацию, опротестовали государственный переворот, приведший к устранению Вышинского и формированию прокоммунистического кабинета

П. Грозы, Кремль расценил это как хитрую уловку. [01.11.47: 711]

Тогда в статье «Падение Праги» от 28.02.48 *The Economist* писал:

В доминировании коммунизма [в Чехословакии] как гарантии безопасности для России не было абсолютно никакой необходимости. Но люди в Кремле не хотят иметь друзей. Человечество для них делится на врагов и рабов. Пока коммунистическая клика не установит монополию на власть, Кремль не будет удовлетворен ни одной страной. Весьма убедительные примеры идеологической унификации уже наблюдались в странах Юго-Восточной Европы. Но все-таки оставались надежды на то, что данная технология не будет использована и на Чехословакии. Теперь эти надежды разрушены. Пройдет время до завершения этого процесса, как и того, что был начат в Мюнхене в марте 1939 г. Но бесповоротное решение уже принято [332].

В статье все же не говорится, на каких убеждениях насчет Политбюро основывались «надежды» на Чехословакию.

В 1950 г. *The Economist* высказывал точку зрения, более полно совпадающую с представленной в следующем отрывке:

Русские всегда открыто заявляли, что признают лишь два типа государств: коммунистические, находящиеся под полным контролем советской власти, и антикоммунистические, рассматриваемые в качестве враждебных. Политика создания системы контроля над как можно большим числом государств ...практически восходит к середине войны, а идеологически, к начальному периоду большевистского режима. Создание коммунистического правительства Польши началось в 1943 г. Дальнейший процесс протекал неумолимо с момента принятия первого решения и претворения его в жизнь. ...И первый шаг этот был сделан в период наивысшего уровня сотрудничества между Россией и Западом в рамках военного альянса.

Аналогично, гонения на немецких социалистов в Восточной зоне, запустившие процесс советизации Восточной Германии, были предприняты зимой 1945 – 1946 гг. ...Процесс поглощения уже начался ко времени Ялтинской конференции и набрал максимум оборотов во время встречи большой тройки в Потсдаме. Дальнейшие события являлись ничем иным, как воплощением в жизнь заранее определенной политики и, как показали последние пять лет, во всех странах, находящихся в радиусе советского влияния, кроме Финляндии, ...элементы «третьей силы»... или «нейтральные силы», симпатизирующие Западу, подвергались стабильному искоренению... [27.05.50: 1154]

До осени 1947 г. *The Economist* полагал, что отход Политбюро от занятых в Восточной Европе позиций возможен и без ультиматума или атаки со стороны Запада.

В 1946 г. *The Economist* высказывался о: ...нежелании Великобритании и Америки принимать железный занавес и видеть Европу навсегда разделенной... [11.05.46, стр. 744.], не

предлагая при этом никаких крайних мер, способных превратить их «нежелание» в нечто более действенное. Как раз наоборот, *The Economist* отметил, что:

...некоторые небольшие, но значительные изменения в политике России по отношению к Европе свидетельствуют о том, что Россия, схватившая Придунайские страны, слегка разжимает свой кулак.... Передачу Румынии всей Трансильвании на мирной конференции можно расценивать как знак того, что, в конечном итоге, русские могли бы, при условии поддержания текущего уровня внутреннего и внешнего давления, полностью уйти из Венгрии. [25.05.46: 826]

В статье подразумевалось, что они уйдут, не оставив за собой каких-либо способов осуществлять контроль.

В это время *The Economist* обратился к ситуации, сложившейся после 1945 г.:

...ко времени открытия Лондонской конференции (встреча министров иностранных дел, состоявшаяся осенью 1945 г.) одной из первостепенных целей британской и американской дипломатий стала цель охладить напор, с которым Россия осуществляла «управляемые революции», и повлиять на ее политическое доминирование в Восточной Европе. Спротивление России оказываемому давлению ввергло державы в состояние дипломатической дуэли, путем которой они выясняли отношения впоследствии, и что привело к краху Парижской конференции. [01.06.46: 874].

И снова издание допускает, что Политбюро может уйти под натиском лишь дипломатического давления.

В конце 1947 г., обсуждая итоги Московской конференции, прошедшей в начале того же года, журнал *The Economist* предположил возможность добровольного отступления Политбюро из Восточной Германии:

Относительно политического облика Германии шансы на успешные переговоры были гораздо выше, чем где бы то ни было. Идеи Великобритании и России по поводу государственного строя Германии не разделяла непреодолимая пропасть... [29.11.47: 867]

Таким образом, согласно изданию *The Economist*, в рассматриваемый период времени советская армия могла бы покинуть территории Восточной Европы, не оставляя после себя альтернативной системы контроля над государствами. В 1946 г. *The Economist* высказывал рекомендации, следуя которым, по мнению издания, англо-американская политика могла привести к сепаратным мирным соглашениям Советского Союза с Венгрией, Румынией и Болгарией:

...если бы эти соглашения привели к выводу русских оккупационных сил, это оказало бы, пускай частичный, но позитивный эффект на демократические процессы или, по крайней мере, способствовало бы толерантности в этих странах. [20.04.46: 627].

Более поздняя публикация в журнале *The Economist* была посвящена конференции министров иностранных дел:

...министры иностранных дел разобрали завалы по многим вопросам, и на уступки пошли, как и предполагается, все стороны. Бевин согласился с условием, гарантирующим вывод союзнических сил из Италии в сроки не более девяноста дней с момента подписания мирного договора, а Молотов, в свою очередь, дал аналогичные гарантии относительно Болгарии. [29.06.46: 1040]

Среди сдерживающих факторов, посредством которых западные державы могли бы побудить Политбюро к отступлению из Восточной Европы, *The Economist* видел следующие: Политбюро придавало высокую ценность согласованным мирным договорам и пошло бы на уступки, чтобы заключить их; осуществляя свою деятельность, по крайней мере, на территории Европы, Советское руководство ощущало бы определенные ограничения, вытекающие из содержания мирных соглашений в результате западной их интерпретации. По мнению *The Economist*, эти факторы играли важную роль и могли повлиять на распределение сил в регионе. Политбюро, вероятно, не разделяло эту точку зрения. В 1946 г. *The Economist* писал о задержке в разработке мирных соглашений с европейскими сателлитами Германии:

Очевидно, что оставить семь государств Европы без четкого политического и экономического каркаса означало бы подвергнуть серьезному риску перспективы переустройства и восстановления этих стран. [25.05.46: 826]

Данное утверждение преувеличивало роль мирных соглашений в построении «четкого политического и экономического каркаса», существовавшего в Восточной Европе под контролем Политбюро.

В той же статье издание писало о возможности заставить Политбюро занять приемлемую позицию по европейским мирным соглашениям путем угрозы со стороны Запада заключить сепаратные договоры. Однако позже *The Economist* комментировал этот вопрос следующим образом:

Заключение сепаратных соглашений с Италией, а также с Германией и Австрией (со стороны Западных держав) еще больше развязало бы руки русским на их собственных территориях и избавило бы от чувства оказываемого на них давления (которое они, должно быть [*sic*], испытывают в настоящее время) с целью сдерживания и принуждения к примирению [там же]

В том же году *The Economist* предсказывал последствия явно неудачной попытки Политбюро и Запада договориться об условиях мира в Европе:

Тогда советская зона в Европе, действительно, стала бы замкнутым миром. Каким бы значительным ни было западное влияние в восточной Европе сейчас, последовало бы его принудительное устра-

нение. Существование различных политических партий, уровень свободы прессы (который очень высок по русским стандартам), возможность въезда-выезда для журналистов и гостей с Запада – все эти преимущества могут быть смыты волной военного психоза, вызванного полным разрывом в отношениях России с западными странами... [01.06.46: 875]

The Economist предсказывал и противоположный сценарий:

...прежде всего, улучшение отношений внутри Большой тройки дает надежду на восстановление конституционной формы правления и законных оппозиционных сил в Восточной Европе. [04.05.46: 707]

Однако в своих прогнозах издание *The Economist* весьма переоценивало то значение, которое Политбюро придавало «законным» препятствиям в осуществлении принципа преследования, равно как переоценивало и степень зависимости успешного применения этого принципа от предположений насчет неизбежных кризисов в отношениях между странами. В действительности же Политбюро, вероятно, твердо намерено двигаться вперед как можно дальше, невзирая на то, близок или далек момент, когда пологие склоны последних захваченных высот смогут быть использованы для атаки противника.

В той же самой статье издания *The Economist* особенно ясно высказывалось мнение о том, что на поведение Политбюро существенное влияние может быть оказано не столько предельным, сколько умеренным давлением:

Допустить разрыв отношений означал бы оставить все попытки использовать западное влияние и давление на советскую политику в России или где-либо еще, в то время, как на Западе вряд ли в полной мере осознают, насколько большие изменения претерпела политика русских. [01.06.46: 875]

Это загадочное высказывание не получило дальнейшей расшифровки. В аналогичном ключе издание утверждало:

По острому вопросу о независимости Дуная переговоры сдвинулись с мертвой точки благодаря предложениям Великобритании и России, согласно которым четыре державы официально заявили бы о своей убежденности (Российская версия) или решении (Британская версия) в пользу того, чтобы Дунай был открыт для торговли всех стран. [29.06.46: 1040]

И вновь в статье имплицитно высказывается мысль о том, что западные методы давления, уступающие по силе своего воздействия ультиматуму или военной атаке, могли бы побудить Политбюро к отказу от тотального контроля над Дунаем в пределах советской сферы влияния.

Наступление и отступление. Я склонен полагать, что экспансионистские амбиции Политбюро носят неограниченный характер и нацелены, главным образом, на расширение и усиление собственной власти. В то время, как

издание *The Economist*, говоря о наступательной политике Политбюро после Второй мировой войны, склонно считать его цели реальными и ограниченными. Так в 1946 г. журнал писал о конференции министров иностранных дел Большой четверки:

Вероятно, ни разу еще министры иностранных дел не садились все вместе за стол переговоров, чтобы предельно честно обсудить, в чем заключаются неотъемлемые интересы каждой из сторон или выяснить, возможен ли такой социальный и политический порядок в Европе, с которым все были бы согласны. ...между сферами российских интересов и сферами интересов Великобритании и США существует общее пространство, в котором можно достичь практических решений и прийти к компромиссу. [20.04.46: 627]

Вероятно, ни разу еще министры иностранных дел не садились все вместе за стол переговоров, чтобы предельно честно обсудить, в чем заключаются неотъемлемые интересы каждой из сторон или выяснить, возможен ли такой социальный и политический порядок в Европе, с которым все были бы согласны.

И более конкретно:

Относительно разграничительной линии Италия находится западнее, но также и достаточно близко к ней, что в некоторой степени оправдывает российские интересы в делах этой страны. Поэтому, возможно, есть смысл в том, чтобы пойти на некоторые уступки по определенным вопросам и согласиться с взглядами России. К примеру, она могла бы получить репарации.... [там же]

Позднее *The Economist* иногда давал противоположную оценку экспансионизму Политбюро. В 1948 г., обозревая ход переговоров в Берлине, издание писало:

Они развеивают последние надежды на возможность уговорить русских договориться мирным путем. Они будут говорить и пройдут все стадии переговорного процесса, но они не идут на уступки сами, а каждая уступка являет собой лишь прелюдию к дальнейшим требованиям. [25.09.48: 481]

Наступательные попытки Политбюро склонны иметь как агрессивную, так и оборонительную мотивацию. Кажется, что порой *The Economist* ощущал необходимость выбирать одно из двух, либо выбор был слишком труден. Об этом свидетельствует следующий отрывок из номера журнала от 16.03.46 г.:

Конечная цель российской политики, проводимой в Персии, остается загадкой. Что это – излишние амбиции? [407]

С другой стороны, в номере журнала от 30.03.46 г. Отмечалось, что Политбюро максимизировало бы свои шансы на получение нефтяной концессии в северном Иране путем вывода оттуда своих войск в обещанные сроки:

Наиболее вероятные причины отказа Москвы от этого пути кроются, во-первых, в опасениях Политбюро того, что британская, а точнее, англосаксонская экономика завладеет Персидским заливом (и, как следствие, по крайней мере, потенциаль-

ное, получит контроль над Персидским правительством), а во-вторых, в страхе того, что эта волна направится на север и перерастет в прямую угрозу Баку [482]

В том же номере говорилось и о

...неуверенности в том, что в действительности движет российской политикой в Персии: либо это не дающая покоя мания преследования, либо часть более крупного плана по использованию ООН в качестве прикрытия истинных намерений, которые, какими бы ограниченными ни были, носят агрессивный характер. Это всегда было и продолжает оставаться основным неразрешенным вопросом [481]

В 1947 г. *The Economist* писал о создании Информбюро коммунистических и рабочих партий (Информбюро), высказывая точку зрения, близкую следующему пониманию вопроса:

Что это? Объявление войны или демонстрация готовности к обороне?

Само существование этих альтернатив произрастает из крайнего затруднения, которое испытывает западный мир, пытаясь понять советскую стратегию. События прошлого года могут быть интерпретированы по-разному. Возможен вариант, при котором напуганная Россия в ужасе возводила укрепления... Марксистская теория заставляет русских верить в ту Америку, которая только и ждет подходящего момента для военного вторжения (имея в своем арсенале атомную бомбу). Из этого понимания и вытекают все следствия...

Тем не менее, каждый элемент данной стратегии может быть интерпретирован в абсолютно противоположном смысле. Согласно Марксу, его учение несовместимо с каким-либо другим (ортодоксальным) ...русские навязывают Восточной Европе свои правила. Они уничтожают всякую оппозицию... Они яростно оспаривают доктрину Трумэна и План Маршалла, поскольку последние ограничивают амбиции... В конечном итоге, Информбюро будет использовать все средства пропаганды и оказывать необходимое давление с целью подавить любые попытки некоммунистического переустройства.

Но какая из версий верна? Сложность в том, что истинны обе... Следовательно, аналитическим путем составить эффективное руководство по российской политике не удастся никогда. [11.10.47: 591]

Однако последнее умозаключение представляется нелогичным выводом.

Утверждение о том, что Политбюро намерено и будет осуществлять наступление до тех пор, пока не упрется в запретительные ограждения, неоднократно, и я считаю, корректно аргументировалось журналом *The Economist* на протяжении всего рассматриваемого исторического периода. В 1946 г.:

Конечная цель российской политики, проводимой в Персии, остается загадкой. Что это – излишние амбиции? Или, что представляется более вероятным, решительное стремление укрепить занятые позиции в полной уверенности, что ни американская, ни британская общественность не потерпит вступления в войну? [16.03.46: 407]

Однако Политбюро, вероятно, не разделяло мнение издания *The Economist* о высокой степени влияния западной «общественности» на правительства этих стран. В 1948 г. издание писало:

... Если бы советские руководители считали, что при любых действиях с их стороны они не столкнутся с какой-либо оппозицией на западе, они также поддались бы соблазну собственного расширения. [25.09.48: 482]

Согласно предлагаемому здесь пониманию, было бы более корректно сказать, что в указанной ситуации Политбюро ощущало бы необходимость расширения. В 1950 г.:

Если бы Атлантический пакт был аннулирован, Америка вывела бы свои войска и отказалась от своих интересов, а «нейтральная» Германия и «нейтральная» Европа остались бы один на один с Советским Союзом, все последние исторические события наводят на мысль о том, что эти страны повторили бы судьбу президента Бенеша... [27.05.50: 1154]

Сопутствующая точка зрения о том, что, наткнувшись на запретительные препятствия, Политбюро прекратит наступательную активность, также широко, но не всегда, признавалась изданием *The Economist*. В 1946 г. журнал перечислял и следующим образом комментировал примеры агрессивных шагов Политбюро:

Как можно в сложившейся ситуации притворяться уверенными в том, что русские желают дружественного сотрудничества? Что можно сказать о политике, основанной на непреодолимой враждебности и неумолимых подозрениях? Зачем же тогда Бевин и Бернс отправляются в еще одно бесполезное паломничество? Не лучше ли было бы для Великобритании и Америки взглянуть фактам в глаза и, оставив попытки достичь так и недостигнутого соглашения, сконцентрироваться на собственных правах и интересах?

Реакция эта, однако, стала бы следствием не государственной прозорливости, но раздражения, а раздражительность намного повышает ставки. [20.04.46: 626]

Имплицитный смысл заключается в том, что вероятность агрессивного шага со стороны Политбюро будет снижена вследствие «дружественной» реакции его цели. В схожем ключе *The Economist* высказывался в той же статье:

Именно в этом году, когда армии противоборствующих держав не до конца демобилизованы, необходимо сдерживать угрозу войны. [Там же]

Таким образом, издание не признавало, что незавершенность демобилизации на Западе еще более снизила вероятность войны в 1946 г., которая в любом случае была невысокой. Тем не менее, несколько позднее *The Economist* высказывал противоположную (я считаю более корректную) точку зрения:

Аргумент в пользу независимого шага со стороны Запада (по вопросу Европейских мирных соглашений, заблокированных Советским Союзом)

следует из выдвигаемой даже в последнюю минуту инициативы обеспечения и проведения согласованной политики... Инициатива эта основана на предположении, что серьезная угроза со стороны Америки прекратить попытки переговоров и, если потребуется, заключить сепаратный мир, встряхнет русских и заставит осознать, как далеко они зашли, испытывая терпение своих союзников... В таком случае стороны могли бы вернуться за стол на конференции 15 июня в полной готовности вести переговоры на основе реальных уступок и соглашений. [25.05.46: 826]

И вновь немного позже *The Economist* отмечает некоторое «ослабление в сложившейся международной ситуации» и указывал на одну из его причин:

...вероятно, возрастающая уверенность русских в том, что «наступательная политика» в Средиземноморье с учетом враждебного англо-американского фактора и ожидаемой выгоды не оправдала бы предпринимаемые риск и затраты. Исходя из этого, русские постепенно оставляли свои претензии на мандат для Ливии, базы на островах Додеканес и на исключительный контроль над Югославией через Триест в Адриатическом море. [06.07.46: 8]

Тем не менее, как говорится в статье,

Скорее всего, они будут ожидать равного смягчения давления в Восточной Европе и с англо-американской стороны.

Данное предположение не только переоценивало озабоченность Политбюро умеренным «давлением», оказываемым тогда на Восточную Европу Западом, но, говоря о ситуации, как о *quid pro quo* (услуга за услугу), затемняло факт того, что Политбюро прекратило наступление ввиду возникших на пути превосходящих его силы препятствий. Поэтому, утверждение, сделанное в последующем выпуске журнала, представляется более корректным. В журнале *The Economist* обсуждалось то, как на Парижской конференции министров иностранных дел Политбюро оставило попытки расширения за пределы сферы, которые фактически были установлены Ялтинским соглашением:

Вероятно, ни Великобритания, ни США не начнут войну, скажем, из-за Триеста, но риск полного краха сотрудничества между союзниками, способного привести к ядерной войне с преимуществом на стороне Запада в той же мере оказывал сдерживающее воздействие. [13.07.46: 42]

И вновь теперь уже термин «сотрудничество» наталкивает на ложный смысл. Несколько позднее, *The Economist* утерял четкое осознание того, что непреодолимые препятствия, существование которых может при определенных обстоятельствах быть успешно обозначено путем выражения или симулирования «гнева» или «контробвинений», являются единственным средством, противодействующим наступлению Политбюро:

Господин Джордан, представлявший Новую Зеландию, на прошлой неделе стал выразителем всеобщего раздражения среди делегатов Парижской

мирной конференции от того, что называют «пиратскими» методами российского блока.... Однако миротворческая деятельность требует от политиков работы на результат без оглядки на часы. С тактической точки зрения, нетерпение подобно катастрофе, потому что оно дает преимущество стороне, которая не торопится достичь соглашения, и в результате торопливая сторона либо идет на излишние уступки, либо впадает в гнев и позволяет себе бесполезные упреки по поводу того, что она рассматривает как умышленное затягивание переговорного процесса.

Мирная конференция должна протекать без суеты, как это происходило в прежние времена.... Многое следует исправить в настроениях сторон в Люксембурге, а миру было бы намного спокойнее, узнай он о том, что вместо очередного раунда идеологических препирательств, министры иностранных дел провели день, купаясь в Сене, или были замечены на каруселях в Винсенсе. Перспективы мирного урегулирования были бы намного ярче, если бы делегаты вместо того, чтобы думать, успеют ли они закончить работы до сессии ООН, были бы полны готовности к не одному месяцу умелого, усердного, бесстрастного ведения политической игры, перемежаемой таким разнообразием развлечений, какие только может предложить Париж. [24.08.46: 288]

Тем не менее, ближе к концу года в тон высказываемой здесь точке зрения, *The Economist* скажет об уступках СССР на конференции министров иностранных дел в Нью-Йорке:

Возможно, это объясняется традиционными методами российской дипломатии, но русские не перестают торговаться до последнего, пока не станет ясно, что оппоненты больше не уступят ни на йоту. Затем, на этой стадии переговоров, российская сторона идет на зачастую неожиданные уступки. Возможно, Молотов наконец-то убедился в том, что ни Бевин, ни Бернс более не уступят. Поэтому он сдался. [07.12.46: 899]

Подобным же образом *The Economist* высказывался в 1948 г.:

...возможно, необходимо сохранять твердость позиций вплоть до стадии реального риска, прежде чем российские представители в Берлине смогут проинформировать Москву о том, что они достигли мертвой точки... [03.04.48: 535]

Складывается впечатление, что проводя подобную тактику «твердость» позиции была бы лишена очевидного «риска».

Признавая этот факт, *The Economist* на протяжении всего рассматриваемого периода писал о целесообразности недвусмысленно и заблаговременно указать Политбюро, какие наступательные шаги с его стороны приведут к войне. В 1946 г. издание писало:

Слабость западных держав до сих пор проявлялась в том, что они, как представляется, не определились, в чем заключаются их главные интересы или, по крайней мере, не проявили должной приверженности к их достижению. Результатом послужило продвижение русских в нейтральную полосу международных споров и дальше в зону опасного сближения с передовой Запада. Теперь единствен-

ный способ избежать прямого столкновения – это заявить о том, где это столкновение было бы неизбежно... Если Бевин и Бернс смогли бы внести эту долю ясности в отношения Великих держав, риск того, что они споткнутся друг о друга и начнут противоборство во тьме, значительно снизится. [20.04.46: 627]

В 1948 г.:

...наибольшие надежды на мирное сосуществование Западные державы связывают с отчетливым представлением об обстоятельствах, при которых русская сторона могла бы начать войну... Должна проходить четкая линия, а мир, включая и самих русских, необходимо убедить в том, что любое посягательство встретит предельное сопротивление. [25.09.48: 482]

С другой стороны, *The Economist* менее прозрачно высказывался о том, что только путем ультиматума или атаки можно уговорить Политбюро хоть на сколько-нибудь ослабить контроль над какой-либо сферой его влияния. Из этого следует, что с 1945 г. Политбюро ни разу не было готово пойти на снижение своего потенциала или уменьшить контроль над Восточной частью Германии на каких бы то ни было предложенных Западом условиях. Тем не менее, в 1946 г. *The Economist* писал следующее:

Первый залп, открывающий дискуссию министров иностранных дел о Германии, был сделан Молотовым... судя по большинству пунктов его выступления, их содержание не должно затруднить создание объединенной комиссии... Как только русские согласятся допустить объединенную следственную комиссию не только к военным учреждениям, но также к военным заводам, механизм, вероятно, сможет быть запущен. [13.07.46: 48]

А через неделю издание писало следующее:

По-прежнему политика организации западных зон (Германии) в изоляции от Востока более предпочтительна образовавшемуся на неопределенный срок политическому вакууму, в котором русские, по существу, в пределах своей зоны поступают, как хотят, но налагают запрет на британскую и американскую политику на Западе. Между тем, однако, им (Западным державам) стоило бы пересмотреть вопрос о том, возможно ли достичь какого-либо соглашения с русскими, возможен ли компромисс.

...Молотов хочет установить централизованное правительство (в Германии), объединенный Рейх ... и провести разоружение. Бевин и Бернс хотят получить долгосрочный контроль над разоружением Германии. На самом деле, по вопросу разоружения основное разногласие состоит в том, что Бернс предложил контролировать двадцать-пять лет, а Молотов – сорок. [20.07.46: 84]

В 1947 г.:

Эмпирический, чтобы не сказать противоречивый, характер русской дипломатии, вероятно, проявился более очевидным образом за последние недели, чем когда-либо. Одно время казалось, что ос-

нову советской дипломатии составляли согласие и понимание. Уступки русских в соглашениях по государствам-сателлитам, согласованная повестка дня перед встречей в Москве, неоднократные интервью Сталина прессе, выдержанные в примирительных тонах – все это не только способствовало разбору залежавшихся дипломатических завалов 1946 г., но и подарило новые надежды на мирное урегулирование германского вопроса...

Однако за последний месяц, обращаясь именно к этой проблеме, Россия предстала двуликим Янусом, показав отвратительную гримасу. [15.02.47: 271]

Касательно предстоящей конференции министров иностранных дел в Москве издание писало:

Англичане и американцы намерены получить от русских конкретный ответ на вопрос, намерены ли последние соблюдать Потсдамское соглашение, будут ли продовольствие и промышленные ресурсы Германии объединены с западными. [08.03.47: 316]

Тем не менее в 1947 г. *The Economist* высказался о *de facto* состоявшемся разделении Германии:

В этой приводящей в уныние ситуации нет ничего особо нового. Тактика русских преследовала те же цели с момента прекращения огня в 1945 г. Но Великобритания и США сохраняли надежды на более масштабное сотрудничество, что препятствовало выстраиванию новой политической линии и вставляло палки в колеса мысли. Государственный переворот в Праге должен раз и навсегда прогнать идею о том, что русские лидеры с их сегодняшними настроениями способны разделить свою политическую и экономическую власть над чем бы то ни было. [28.02.48: 332]

Но в 1949 г. *The Economist* вновь перестал осознавать того, что отступление Политбюро может быть вызвано лишь крайними мерами, использование которых журнал не рассматривал:

...награда (стран Запада) ... теперь отчетливо виднеется на горизонте – вся Германия для Запада. [14.05.49: 875]

В 1950 г. реализм (согласно моему толкованию) вновь отразился в дискуссиях о возможностях объединения и нейтрализации Германии:

Не имеет смысла предполагать, что русские готовы ликвидировать свое полицейское государство. Их скрытая цель – расширить зону своего контроля. [08.04.50: 754]

К 1950 г. журнал *The Economist* намного передвинул позиции, занимаемые им в 1946 г., связав возражения Советского Союза против механизма международного контроля над ядерным оружием с советской скрытностью. Теперь издание в более полной мере осознавало тщетность каких-либо других мер сдерживания Политбюро, кроме предельного на него давления.

...скорее всего, на встрече в Москве русские будут настаивать на «государственном суверените-

те» и не примут каких бы то ни было незваных инспекторов на свою землю. Однако в последнее время наблюдались признаки того, что не все в советских правящих кругах разделяют единое мнение, как это постулирует коммунистическая теория, и, возможно, если мнение мирового сообщества за пределами России будет в пользу международного инспектирования ядерных вооружений, то даже НКВД не сможет противостоять внешнему влиянию. [12.10.46: 572]

Переговоры с врагом. Тот факт, что Политбюро в отличие от определенных правительственных органов Запада, не склонно сентиментальничать в отношении «соглашений» или «урегулирования» долгое время, о чем свидетельствуют приведенные выше отрывки статей, оставался непризнанным или невыраженным изданием *The Economist*. Ниже следует еще один пример из журнала *The Economist* от 1946 г., содержащий высказывание о Парижской конференции министров иностранных дел:

...нельзя сказать, что единственным направлением работы Парижской конференции было маневрирование с целью занять выгодное стратегическое положение перед будущим конфликтом. Под конец прошлой недели министры иностранных дел снова впали в неформальный стиль переговоров, что через два дня дало удивительные результаты... На самом деле, казалось, что механизм искренних переговоров вновь заработал. [18.05.46: 790-791]

Таким образом, даже когда издание акцентировало внимание на крайней сложности и редкой возможности вести «искренний диалог» с Политбюро, *The Economist* не мог признать нереальность таких переговоров. Это подтверждается в следующем отрывке:

Все надежды на то, что взаимные уступки откроют новую стадию искренних переговоров, были, тем не менее, разбиты, когда Молотов отказался рассматривать... Вследствие чего конференция вновь оказалась в состоянии трупного окоченения. [Там же]

Однако осенью 1948 г. *The Economist* писал следующее:

...то, о чем годы назад немногие догадывались, что было очевидным для многих позже, теперь было доказано общественности, а именно, то, что договориться с русскими коммунистами невозможно. Причем новость была в том, что теперь это доказано, но не сам факт. Более того, важно заметить, что доказано именно то, что русские не заинтересованы в международном согласии. Никогда ранее не было больше доказательств того, что они, действительно, намерены воевать. [02.10.48: 521]

А в 1950 г. издание писало:

Ошибочность идеи ограниченного соглашения [по контролю над вооружениями] на данном этапе заключается в предположении того, что Советский Союз заинтересован в дружественных отношениях. Он занят созданием мирового коммунистического порядка, а достигнутые и проваленные соглашения считаются лишь средствами достижения конечной цели. [18.02.50: 353]

Участвуя в переговорах с осени 1945 г. до весны 1950 г., Политбюро, вероятно, считало незначительными потери от неудачи заключить соглашение – всего лишь срыв наступления за Ялтинские и Потсдамские позиции, которые в любом случае Политбюро не рассчитывало значительно улучшить путем дипломатии (так что в случае успешных переговоров выгода была бы тоже несущественной). *The Economist* же обычно придавал большое значение успеху или неудаче на международных конференциях и считал, что подобным же образом расценивает переговоры и Политбюро. Так весной 1946 г. издание высказывалось о соглашениях, едва затрагивающих мировое распределение сил, придавая им высокую важность:

По крайней мере, впервые кажется, что между двумя Великими державами наступает оттепель. Вслед за Лондонским тупиком и рождественскими разочарованиями Москвы весенний Париж обещает нечто более благоприятное... Впервые в своей истории Совет безопасности принял практически единогласное решение по одному из противоречивых вопросов. 28 апреля десять из одиннадцати членов совета проголосовали за принятие австралийской резолюции, которая еще раз декларирует осуждение Великими державами режима Франко и назначает комитет по расследованию, представляет ли правительство Франко угрозу международному миру и безопасности, и насколько эта угроза существенна. Русские решили не блокировать эту резолюцию, используя свое право вето, и предложение создать следственный комитет было автоматически принято как злободневный процедурный вопрос. Все понимали, что на самом деле вопрос был существенный, однако если рассматривать его под таким углом, воздержание русских при голосовании равнялось бы вето. Казалось, что лучше было бы не заострять внимание на этой аномалии...

По другую сторону Атлантики на конференции в Париже русские в новых для них примирительных тонах уже разгребли завал, тормозивший Лондонскую конференцию – вопрос участия Франции в дискуссиях о всех мирных договорах, а также предложили объездной путь в решении другой проблемы – будущего Триполи...

К чему такие перемены? Почему столь затяжная и тупиковая ситуация нашла такое мягкое решение? Трудно найти адекватную причину... Если впустить на мгновение долю оптимизма, не витает ли в этой новой атмосфере отношений надежда на то, что нависшая сразу после войны напряженность начинает ослабевать? [04.05.46: 703]

а также:

...аргументы в пользу предотвращения разрыва отношений между союзниками неоспоримы. Принятие окончательный разрыв в отношениях, разделение послевоенное устройство на два мира – русский и нерусский – должно усилить трение и соперничество между странами, и если печальная история прошлого чему-нибудь учит, то такой сценарий, в конце концов, закончится войной. [25.05.46: 826]

С другой стороны, согласно Политбюро, сама структура той эпохи знаменовала «окончательный разрыв» «двух миров» с «постоянным трением» между ними. Был «разрыв» или нет, по вероятным оценкам Политбюро, это не оказало бы значительного влияния на военный исход кризиса в отношениях. Именно такое отношение к ситуации *The Economist* выразил в отдельном абзаце весной 1946 г.:

...предположения о том, что неудачные попытки договориться по мирным соглашениям означают неизбежную и скорую войну между Востоком и Западом, производят мелодраматичный и даже абсурдный эффект. Это никаким образом не изменит существующий баланс сил, от которого зависят шансы на мирный и военный исходы. [01.06.46: 875]

Тем не менее, вскоре *The Economist* вновь в свойственной изданию манере высказался, придавая высокое значение успехам и неудачам в переговорном процессе между Политбюро и западными странами:

Наконец, спустя месяцы безрезультатных переговоров, кажется, главы внешнеполитических ведомств весьма близки к согласию по проекту итальянского соглашения...

Послабление международной обстановки еще более ощутимо в сравнении с атмосферой пессимизма и военного психоза, воцарившейся после провала первой майской конференции в Париже. Тогда казалось, что никакими дипломатическими средствами и последними запасами доброй воли не удастся уберечь Европу от распада на два враждебно настроенных лагеря, а международное сообщество – от пагубного разделения на «два мира». Тем не менее, получив новые инструкции, министры вернулись в Париж и проявили на обновленной конференции наибольшую за последние девять мрачных месяцев открытость и способность пойти на компромисс. [06.07.46: 8]

а также:

Что можно сказать о достигнутых договоренностях, которые теперь должны стать предметом обсуждения на мирной конференции? Более всего обнадеживает и заслуживает внимания не столько их содержание, сколько само существование этих договоренностей. Тупиковость ситуации настолько затянулась и еще более омрачалась кажущейся непроходимостью и отсутствием какого-либо выхода, что умение дипломатов найти при всем при этом компромисс и сохранить окно дипломатических возможностей открытым, а нации, хоть и номинально, в числе объединенных, заслуживает признательности. [13.07.46: 42]

И следующий отрывок:

...Перспективы мира во всем мире не будут столь яркими, если на предстоящих переговорах Великие державы попросту не смогут договориться. [13.07.46: 43]

В отношении дискуссий о Германии на Парижской конференции издание писало следующее:

Невыносимое упрямство и скрытность русских, очевидно, ближе к завершению дискуссий породило в Бевине и Бернсе отчаянное желание любой ценой освободиться от вызывающего у них негодование союзника. Однако два фактора, должно быть, удерживали их от немедленного прекращения отношений. Во-первых, это суровые перспективы альтернативной политики. [20.07.46: 84]

Поскольку:

...терпеливое ведение переговоров в рамках стран Большой четверки было единственным способом не дать соперничеству Великих держав перерасти в угрожающие всем боевые действия. [19.10.46: 611]

Однако позднее в том же году *The Economist* следующим образом высказывался о рассматриваемой ситуации:

В ходе переговоров может случиться так, что одна сторона не захочет покупать или продавать товар на условиях, отличных от ее собственных. В таком случае другая сторона должна будет либо принять ее условия, либо отменить сделку. В сложившейся международной ситуации необходимо принимать в расчет возможность того, что советские руководители посчитают, что смогут из отсутствия какой-либо сделки извлечь большую выгоду, чем Запад. [30.11.46: 863]

Или, скорее, больше, чем Запад, возможно, рассчитывает.

Участвуя в переговорах, Политбюро рассматривает проблемы не с точки зрения их «преимуществ», а с точки зрения власти. Такого рода подход *The Economist*, казалось, долгое время расценивал как аномальный. В 1946 г. издание высказывалось следующим образом:

...уровень подозрительности вырос настолько, что ни один вопрос не рассматривается со стороны его преимуществ. [18.05.46: 790]

Позднее в том же году *The Economist* писал о проектах соглашений со странами сателлитами Германии следующее:

Каждое условие соглашения обсуждалось не как элемент рациональной системы Европейского порядка, а как пешка в игре между Востоком и Западом... [14.12.46: 939]

Согласно Политбюро, для переговорного процесса естественно употребление враждебной риторики, после чего соглашение все же может быть достигнуто. Однако, как неоднократно отмечал *The Economist*, между уровнем выраженной враждебности и успешностью переговоров прослеживается негативная корреляция. Так, в 1946 г. *The Economist* писал:

Вероятно, ни разу еще министры иностранных дел не садились все вместе за стол переговоров, чтобы предельно честно обсудить, в чем заключаются неотъемлемые интересы каждой из сторон или выяснить, возможен ли такой социальный и политический порядок в Европе, с которым все были бы согласны. Слишком разные темпераменты делегатов явно усложнили эту задачу, а взаимные подозрения и враждебный настрой, видимо, достигли уровня,

когда договориться просто невозможно. [20.04.46: 627]

а также:

Министры вернулись в Париж, и предварительные схватки предreshили исход всего соревнования не в пользу соглашения. [22.06.46: 999]

Через неделю *The Economist* отмечал определенный компромисс, достигнутый сторонами на конференции, но признавал следующее:

Но все же, несмотря на перечисленные компромиссы, нужно признать, что психологические предчувствия еще сильны. На смену явно выраженной доброжелательности первых дней быстро пришло раздражение и разочарование. В подобной атмосфере терпеливый и скрупулезный поиск компромисса нарушает несдержанный поступок, что сводит весь поиск на нет. [29.06.46: 1040]

И вновь:

Идет лишь вторая неделя Парижской мирной конференции, но уже в первые дни, начиная с церемонии открытия, ощущалась атмосфера странного и, на первый взгляд, сбивающего с толку психоза – психоза беспрерывного и неослабевающего соперничества между державами Запада и Россией. [10.08.46: 217]

То, что для Политбюро представлялось сущностью мировой политики той эпохи, здесь кажется внезапным приступом «психоза». Согласно Политбюро, оказываемое на партнеров по переговорам давление (за исключением политики *quid pro quo*) является единственным способом выгодным для себя образом повлиять на их поведение. Однако в 1946 г. *The Economist*, доказывая Политбюро преимущества «политики терпения» перед «политикой разрыва», писал:

...возможно, время покажет, что ценой огромного труда согласованное решение может быть принято. [01.06.46: 875]

Имеется в виду, как представляется, что с помощью «труда», нежели оказываемого «давления» Политбюро может измениться. Например, хоть сколько-нибудь снизится уровень его «подозрительности».

В том же году *The Economist* подтверждал, что в результате конференции министров иностранных дел мог бы быть найден компромисс по вопросу итальянских репараций Советскому Союзу, добавив при этом:

И уступки по этому пункту, возможно, облегчили бы будущую работу по решению других более сложных вопросов повестки дня. [22.06.46: 999]

Однако на данном этапе, как и всегда, представляется ясным тот факт, что подобное утверждение основано на предположении о поведении советских руководителей, которое расходится с тем, что я называю операционным кодом Политбюро.

Конечно, имеет право на существование точка зрения, согласно которой выдвигаемые мной гипотезы против комментариев журнала *The Economist* ошибочны и двусмысленны. Тем не менее, остается справедливым тезис о том, что эффективность внешней политики зависит от точности предположений, сделанных одним участником мировой политики относительно поведения других.

Возможно, основные цели американской внешней политики остались теми же, что и семь лет назад, но средства достижения этих целей претерпели большие изменения. Причиной тому послужила смена позиции Советского Союза.

Как было показано в настоящей статье, одним из наиболее сложных вопросов внутренней повестки дня Запада был и до сих пор остается вопрос адекватного построения операционного кода его антагониста. Настоящее исследование являет собой попытку доказать, что построение подобного кода не должно осуществляться лишь при необходимости в условиях конкретной ситуации либо становиться предметом интуитивных догадок, какими бы озаряющими они ни были. Операционный код должен выявляться в результате непрерывного исследования, что увеличило бы шансы избежать опасного соблазна смотреть на других сквозь свой собственный образ.

© Белов Е.С. (перевод), 2009